

ТЕМА НОМЕРА

ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ В РОССИИ: ИНСТИТУТЫ И МОТИВАЦИИ

DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.787

EDN: YLFLFZ

Динамика субъективного властного статуса¹

Ссылка для цитирования: Козырева П. М., Смирнов А. И. Динамика субъективного властного статуса // Вестник Института социологии. 2022. Том 13. № 2. С. 13–30. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.787; EDN: YLFLFZ

For citation: Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Dynamics of subjective power status. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 2. P. 13–30. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.787; EDN: YLFLFZ

**Козырева
Полина Михайловна^{1,2}**

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН;

²Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

pkozyreva@isras.ru

AuthorID ПИНЦ: 346897

**Смирнов
Александр Ильич¹**

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

smir_al@bk.ru

AuthorID ПИНЦ: 678594

Аннотация. В статье представлены результаты анализа особенностей самоидентификации российских граждан во властном пространстве в постсоветском обществе. Эмпирическую базу исследования составляют данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)» (1994–2020 гг.). Исследование выявило позитивную, но весьма умеренную и не всегда последовательную динамику оценок российскими гражданами своего положения во властном пространстве. Однако, несмотря на то что россияне стали более оптимистично оценивать возможности своего влияния на происходящие события, многие из них продолжают ощущать себя не активными субъектами, а пассивными и беспомощными

¹ В данной статье использованы результаты проектов, выполненных в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

объектами в системе властных отношений. Установлена значимая обратная, но не сильная связь между самооценкой властного статуса и возрастом, а также более значимая положительная связь между субъективным властным статусом и уровнем образования и тесно связанным с ним профессиональным статусом. Самооценку властного статуса повышает принадлежность индивидов к профессиональным группам, представители которых в большей мере связаны с престижным высококвалифицированным и высокооплачиваемым трудом. Установлена положительная корреляция между самоопределением человека во властном пространстве и уровнем его вовлеченности в профессиональную деятельность, особенно в том случае, когда она предполагает выполнение руководящих и управленческих функций. Очень четко фиксируется положительная связь между самооценкой властного статуса и оценкой уровня уважения окружающими, но наиболее сильной является связь между оценками своего положения на шкалах власти и материального благосостояния. Обладание властью расширяет ресурсную базу индивида и увеличивает его шансы на успех при реализации жизненных целей. Значительно повышает самооценку властного статуса позитивное восприятие своих профессиональных качеств и достижений, участие в различных формах общественно-политической жизни. К наиболее значимым факторам, действующим в противоположном направлении, относится прекращение полноценного общения с другими людьми.

Ключевые слова: власть, влияние, идентичность, самооценка, социальный статус, уважение

Введение

Последние тридцать лет в России отмечены чрезвычайно глубокими и разносторонними переменами, которые буквально преобразили всё общество и кардинально изменили жизнь каждого человека в отдельности. Осмысление содержания и результатов перемен, произошедших в постсоветский период, требует изучения изменений не только в условиях жизни, объективном положении людей, но и в восприятии ими реальности. Среди этих изменений стоит обратить внимание на метаморфозу восприятия индивидами своего властного статуса, характеризующего их положение во властном пространстве.

Власть представляет собой исключительно сложное, многоплановое и многостороннее понятие, которое даже в обыденной жизни имеет огромное количество определений, трактовок и объяснений. Это обусловлено такими её универсальными свойствами, как всеобщность – функционирование во всех сферах общественных отношений; способность проникать во все виды деятельности; связывать и противопоставлять людей и общественные группы.

В классическом определении М. Вебера власть, являющаяся социологически аморфным понятием, «означает любой шанс осуществить свою волю в рамках некоторого социального отношения, даже вопреки сопротивлению, на чём бы такой шанс ни был основан» [2, с. 137]. В самом общем смысле она понимается как возможность и способность осуществлять свою волю, оказывать воздействие на поведение, деятельность людей с помощью каких-либо средств – авторитета, права, традиций, насилия

и др. Одной из наиболее значимых форм проявления власти является управление обществом, любым коллективом, объединением людей. С учётом этого власть может быть представлена как способность отдельного человека или какого-либо другого субъекта навязать свою волю другим участникам социального взаимодействия и управлять их действиями тем или иным образом [4, с. 55]. В социологии власть как самостоятельное понятие оформляется как раз на пересечении трактовок, определяющих её как какую-либо возможность и способность управлять, подчинять и как определённое преобладание, доминирование. Обладание человека властью характеризует его физические возможности и персональные характеристики, формальный статус и неформальное влияние [3, с. 62–63].

В различных теоретических концепциях власть рассматривается как один из основных компонентов социального статуса [9, с. 27], а позиция индивида во властном пространстве выступает важнейшим критерием социальной дифференциации. Именно властный статус очень часто обуславливает экономическое положение индивида, определяет уровень материального благосостояния и благополучия семей, отдельных граждан, их положение в стратификационной иерархии. В связи с этим следует отметить, что один из крупнейших социологов П. Бурдьё непосредственно связывал положение человека в социальном пространстве с его позициями в системе властных отношений. Согласно его теоретическим воззрениям, позиция любого агента в социальном пространстве может определяться по его позициям в различных полях, составляющих это пространство, «т. е. в распределении власти, активированной в каждом отдельном поле», или иными словами, видов власти или капиталов, «которые имеют хождение в различных полях» [1, с. 56–57].

Проблема обладания властью в постсоветской России стоит достаточно остро, что во многом связано с трудностями рыночных и демократических преобразований. По своей сути эти преобразования были направлены на переустройство системы власти, в основе их лежало отношение различных групп и слоёв населения к собственности. В результате указанных преобразований в стране сложилась своеобразная иерархия граждан с различными социальными статусами и отношением к власти.

Происходящие перемены значительно актуализировали изучение процессов социальной идентификации и самоидентификации в трансформирующемся российском обществе, под которыми чаще всего понимаются процессы эмоционального и иного отождествления/самоотождествления индивида с другим человеком, группой, образцом или выбором человеком той или иной идентичности, а также формирования этой идентичности [8, с. 29; 10, с. 7]. При этом одним из важнейших идентификационных критериев выступает положение во властном пространстве, обладание властью. «Идентификация личности с властью, – как подчеркивает И. Б. Фан, – представляет собой субъективное измерение проблемы положения индивида в изменяющемся российском обществе, его места в социальной структуре, меры его участия и влияния на управление обществом, а следовательно, его роли в государстве, во взаимодей-

ствии со структурами власти» [11, с. 136]. Если учитывать многоликость, многогранность, разнообразие власти, то важно обращать внимание на специфику отдельных её видов (экономическая, политическая, государственная, общественная, семейная и др.), особенности коллективной, групповой, личной власти, конкретных форм её проявления.

В зависимости от конкретных обстоятельств могут акцентироваться, выдвигаться на первый план и выступать в тех или иных сочетаниях различные аспекты индивидуальной ситуации. Так, очень часто решающим идентификационным критерием при самоопределении во властном пространстве признаётся формальный должностной статус, характеризующий властные полномочия индивида. Но для значительного большинства людей центральным моментом идентичности выступает комплекс представлений о своей властной позиции в трудовом или ином коллективе, семье, общественной организации, неформальном сообществе и т. д. Как показали исследования Института социологии РАН, три четверти опрошенных россиян полагают, что могут влиять на жизнь своей семьи, немногим менее трети – на своих коллег, сослуживцев, около четверти – на поведение других окружающих людей и ещё около четверти – на работу своего предприятия, учреждения, а каждый восьмой – на деятельность своей общественной организации [12, с. 27–28].

В данной статье представлен результат анализа особенностей и проблем самоопределения российских граждан во властном пространстве в постсоветский период. При этом уделялось особое внимание характеристике динамической картины. Самоопределение индивидов во властном пространстве базируется на субъективном измерении властного статуса. Отправным пунктом исследования стало основанное на самооценках распределение респондентов по степени обладания властью. Уделяется внимание также анализу обыденных представлений россиян о власти и властных отношениях, которые оказывают влияние на формирование менталитета россиян. Исследование включает анализ влияния на самооценку властного статуса ряда ключевых переменных, характеризующих социальную ситуацию, в которой находятся индивиды.

Эмпирическая база исследования

Эмпирическую базу исследования составляют данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)» (1994–2020 гг.)¹. Объектом исследования явились взрослые россияне в возрасте 14 лет и старше.

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) проводится Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.hse.ru/rlms> и <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms>).

Самоопределение респондентов в социальном пространстве в RLMS-HSE осуществляется в трёх основных измерениях – по девятиступенчатым шкалам богатства или материального благосостояния (от 1 – «нищие» до 9 – «богатые»), власти (от 1 – «совсем бесправные» до 9 – «обладают большой властью») и уважения (от 1 – «совсем не уважают» до 9 – «очень уважают»). Ответы на идентификационные вопросы служат основанием для определения субъективных статусов или статусных позиций, которые фиксируют положение людей на социальной лестнице и отражают переплетающиеся, но в то же время относительно автономные системы неравенства: собственности, власти и уважения. В ходе анализа нами рассматривались три иерархических уровня, объединяющих по три ступени: нижний, средний и верхний. Средние значения и стандартные отклонения рассчитывались на основе несокращённых ответов с помощью шкал, включающих девять ступеней, исключая ответы респондентов, которые не смогли идентифицировать себя с какой-либо группой, т. е. отказались или затруднились ответить на поставленный вопрос.

Самооценка властного статуса

Анализ данных RLMS-HSE за 1994–2020 гг. показал, что за постсоветский период распределение респондентов по ступеням и уровням шкал уважения, богатства и власти претерпело хорошо заметные изменения. При этом динамическая картина самооценок положения респондентов на шкале власти, основанная на средних значениях идентификационных измерений, демонстрировала медленный и не всегда последовательный подъём (рис. 1).

Самые низкие самооценки властного статуса были зафиксированы в 1990-е гг., когда россияне остро переживали происходящие в стране рыночные и демократические преобразования, продвигающиеся с большим трудом в условиях вакуума власти и управления. Крайне низкие самооценки, характеризующие представления респондентов о степени обладания властью, свидетельствовали о том, что очень многие россияне не ощущали себя самостоятельными субъектами жизни и деятельности, полноправными гражданами, способными влиять на происходящие события. Но в дальнейшем, по мере преодоления системного кризиса и повышения уровня благополучия населения, самоидентификация респондентов во властном пространстве приобрела в целом положительную динамику.

Если в 1994 г. доля респондентов, занимающих три ступени нижнего уровня на шкале власти, достигала 67,9%, то к концу 2020 г. она сократилась вдвое – до 33,6%. Причём особенно значительно, с 30,9 до 4,8%, сократилась доля респондентов, занимающих самую низшую ступень, на которой стоят совершенно бесправные люди. Такое существенное снижение произошло главным образом за счёт роста доли респондентов,

располагающихся на трёх средних ступенях шкалы власти, – соответственно с 27,6 до 54,7%. Всё это говорит о том, что россияне стали постепенно избавляться от посттравматического синдрома, приобретать уверенность в собственных силах и более оптимистично оценивать возможности своего влияния в обществе, профессиональном сообществе, коллективе, семье и др., свою роль в системе властных отношений.

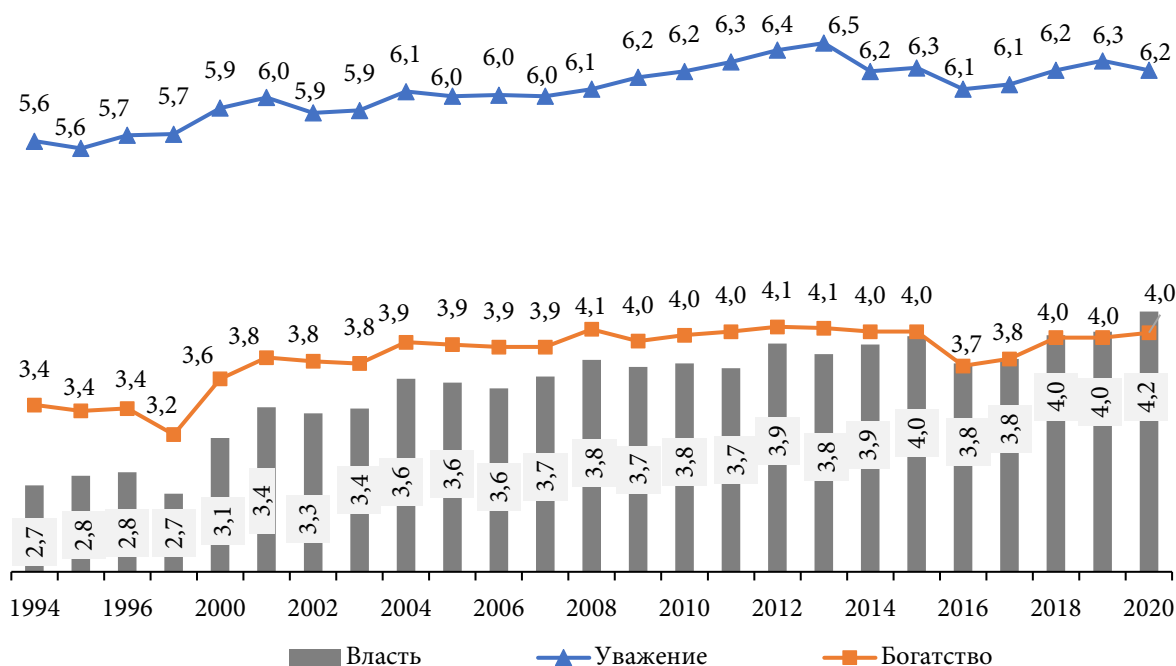

Рис. 1. Динамика самооценок положения на 9-ступенчатых шкалах уважения, богатства и власти, 1994–2020 гг., средние

Figure 1. Dynamics of self-assessment of one's position on 9-step scales of respect, wealth and power, 1994–2020, average

Но в то же время нельзя не видеть и того, что очень многие россияне всё ещё ощущают себя зависимыми, пассивными объектами в системе властных отношений, а абсолютное большинство дистанцируется от лиц, занимающих властные позиции высокого уровня, к которым относятся главным образом должностные лица, руководители высокого ранга. Доля респондентов, занимающих ступени верхнего уровня на шкале власти, за анализируемый период выросла с 2 до 8,7%. Но при этом доля респондентов, стоящих на девятой ступени, т. е. по их собственным оценкам обладающих наибольшей властью, сократилась с 0,9 до 0,2%.

Для многих людей проблема самоопределения во властном пространстве представляет собой достаточно сложную проблему. Безусловно, каждый человек в той или иной мере осознаёт свой властный статус, свою позицию во властных отношениях, но это вовсе не означает, что он может очень чётко отнести себя к определённой категории граждан, и тем более к такой, границы которой весьма условны. Имеет значение и то, что, как отмечает Э. де Фреде, действительное осознание идентичности происходит лишь при контакте с другими людьми [5, с. 18]. И тем не менее число респондентов, которые не могли определить

с ответом, во всех волнах мониторинга было невелико – от 2,5 до 4,7%. Из этого следует, что у подавляющего большинства россиян сложилось определённое представление о феномене власти, его содержании и характеристиках, с которыми они знакомы по собственному опыту.

У мужчин ощущение власти встречается чаще, чем у женщин. За 1994–2020 гг. средняя самооценка выросла у мужчин с 2,85 до 4,28, тогда как у женщин – с 2,63 до 4,14. Такое сравнительно небольшое превосходство сохраняется на протяжении всего постсоветского периода, несмотря на то, что по уровню человеческого капитала женщины превосходят мужчин. Подобная картина обусловлена рядом известных обстоятельств, характеризующих гендерное неравенство. Результатом длительной гендерной дискриминации и глубоко укоренившихся патриархальных традиций стало формирование гендерной диспропорции во властных полномочиях, которая находит место во всех сферах жизни общества, областях человеческой деятельности. Малозаметным является также влияние на субъективное измерение властного статуса такого фактора, как поселенческая структура населения. Наблюдается, особенно в последние годы, только некоторое превосходство по данному показателю сельчан над горожанами. Это можно объяснить тем, что, оценивая свой властный статус, сельчане в большей мере ориентируются на невысокие властные позиции ближайшего окружения, жителей своего небольшого поселения, тогда как горожане чаще соотносят свою позицию во властном пространстве с позициями влиятельных городских кругов.

Выявлена хотя и слабая, но значимая двусторонняя связь между самооценкой властного статуса и возрастом респондентов (коэффициент корреляции Спирмена составил – 0,14; при $p < 0,01$). Самые высокие самооценки принадлежат 20–29-летним молодым людям, но с возрастом они постоянно снижаются. Так, в 2020 г. последовательное снижение средней самооценки составило с 4,55 среди 20–29-летних респондентов до 3,89 среди лиц в возрасте старше 60 лет. Более высокие самооценки властного статуса у молодых россиян обусловлены, с одной стороны, тем, что у многих из них ещё не сформировалось чёткое представление о данном феномене, а «сама идея власти и влиятельности может не до конца оцениваться молодёжью как значимая для занятия позиции в обществе» [13]. С другой стороны, здесь также находит место одно из проявлений завышенной самооценки, которая в молодом возрасте встречается чаще, чем в зрелом или пожилом, когда представления людей о своих возможностях и достижениях, о собственной значимости становятся более ответственными и реалистичными.

На протяжении всех постсоветских лет очень чётко прослеживаются тенденции, демонстрирующие рост самооценок властного статуса по мере повышения уровня образования и тесно связанного с образованием профессионального статуса респондентов, который определяется оценкой их объективного положения в профессиональной структуре (относится к работающим, включая находящихся в оплачиваемом или неоплачиваемом отпуске). Так, в 2020 г. по мере повышения уровня образования

средняя самооценка властного статуса последовательно нарастала с 3,92 среди респондентов с неполным средним образованием до 4,52 среди лиц с высшим образованием. Не менее последовательным оказался также рост средней самооценки по мере повышения профессионального статуса респондентов (табл. 1). Для определения принадлежности респондента к конкретной профессиональной группе использовался классификатор профессий ISCO08. Наиболее заметно за анализируемый период выросли самооценки властного статуса у неквалифицированных рабочих всех отраслей, квалифицированных рабочих, занятых ручным трудом, а также у служащих офисных и по обслуживанию клиентов, тогда как наименее заметно – у работников сферы торговли и услуг, положение которых в обществе эпохи тотального дефицита было гораздо солиднее и прочнее, чем сегодня.

Таблица 1 (Table 1)

**Зависимость самооценки положения на шкале власти
от профессионального статуса, 1994–2020 гг.**

*Dependence of self-assessment of one's position on the power scale
on professional status, 1994–2020*

Профессиональный статус	1994						2020					
	Уровень шкалы, %			Mean	Std. Dev.	N	Уровень шкалы, %			Mean	Std. Dev.	N
	Нижний	Средний	Верхний				Нижний	Средний	Верхний			
Руководители	45,3	48,0	6,7	3,73	1,865	254	17,4	60,1	22,5	5,10	1,664	293
Специалисты высшего уровня квалификации	61,0	35,4	3,6	3,18	1,666	898	22,9	64,1	13,0	4,69	1,621	891
Специалисты среднего уровня квалификации	64,9	31,9	3,2	3,01	1,653	680	24,0	65,2	10,8	4,50	1,526	933
Служащие офисные и по обслуживанию клиентов	71,7	26,4	1,9	2,65	1,552	265	31,7	63,7	4,6	4,13	1,393	281
Работники сферы торговли и услуг	67,2	29,0	3,8	2,86	1,745	528	34,7	58,2	7,0	4,08	1,545	867
Квалифицированные рабочие, занятые ручным трудом	70,6	28,2	1,2	2,67	1,501	840	31,5	58,3	10,1	4,28	1,698	593
Операторы, аппаратчики, машинисты и проч.	68,1	30,9	1,0	2,72	1,572	864	37,3	57,0	5,6	4,08	1,544	603
Неквалифицированные рабочие всех отраслей	82,4	16,8	0,8	2,20	1,418	381	44,5	50,7	4,8	3,81	1,539	357

Исследование особенностей властного статуса занятого населения на базе данных RLMS-HSE, выполненное Н. Д. Коленниковой, показало, что у большинства работающих россиян (около 80%) властный статус полностью отсутствует. В основу анализа властного статуса в данном исследовании был заложен показатель административной власти, операционализируемый с помощью таких индикаторов, как (1) наличие подчинённых, (2) количество подчинённых, (3) является ли индивид владельцем/совладельцем организации/предприятия, на котором он работает [6]. Вместе с тем субъективное измерение властного статуса, опирающееся на широкое обыденное понимание феномена власти, демонстрирует более разнообразную картину. Из таблицы 2 видно, что наличие подчинённых и увеличение их количества заметно повышают самооценку властного статуса. Но при этом подавляющее большинство респондентов, независимо от наличия у них подчинённых, относят себя к людям, обладающим определённой властью, что даёт им возможность влиять на других людей. За 1994–2020 гг. доля лиц, располагающихся на низшей ступени шкалы власти, т. е. считающих себя совсем бесправными, сократилась среди имеющих подчинённых с 18,1 до 1,9%, тогда как среди тех, у кого нет подчинённых – с 31,1 до 4,1%.

Таблица 2 (Table 2)

Зависимость самооценки положения на шкале власти
от наличия и количества подчинённых, 1998–2020 гг.*

*Dependence of self-assessment of one's position on the power scale
on the presence and number of subordinates, 1998–2020*

Наличие и количество подчинённых	1998						2020					
	Уровень шкалы, %			Mean	Std. Dev.	N	Уровень шкалы, %			Mean	Std. Dev.	N
	Нижний	Средний	Верхний				Нижний	Средний	Верхний			
Не имеют подчинённых	71,5	27,2	1,3	2,67	1,541	2853	32,4	59,4	8,2	4,22	1,581	3968
Имеют подчинённых	58,2	38,1	3,7	3,30	1,764	788	18,6	64,5	16,9	4,50	1,612	899
В том числе:												
1–3 чел.	64,5	32,3	3,2	3,12	1,734	281	19,0	67,7	13,3	4,77	1,552	300
4–10 чел.	39,4	37,8	2,8	3,24	1,744	245	19,2	64,2	16,6	4,87	1,606	342
11–20 чел.	57,1	37,8	5,1	3,32	1,709	101	17,9	65,0	17,1	4,96	1,589	115
Больше 20 чел.	46,3	48,8	4,9	3,69	1,750	161	18,6	56,6	24,8	5,10	1,777	142

*Вопрос о количестве подчинённых включен в обследование в 1998 г.

Наиболее мощным фактором, формирующим неравенство возможностей в доступе к социальным ресурсам, остаётся социально-экономическое неравенство, в основе которого лежит дифференциация доходов населения. Известно, что основными источниками доходов домохозяйств

являются заработная плата и государственные трансфертные платежи. Но если заработная плата в решающей степени определяет уровень социально-экономического неравенства, то государственные трансферты сглаживают его. На рисунке 2 представлены данные, характеризующие зависимость самооценки властного статуса от размера заработной платы респондентов. Для иллюстрации этой связи все работающие респонденты в зависимости от размера заработной платы были распределены по четырём группам: 1) 0,75 или менее медианного значения; 2) более 0,75–1,25 медианы; 3) более 1,25–2 медианы; 4) более 2-х медианных значений.

Изложенные на рисунке 2 данные демонстрируют последовательный рост самооценки властного статуса с увеличением заработной платы. Но взаимосвязь указанных переменных, как показывает корреляционный анализ, оказывается намного слабее, чем тогда, когда для анализа используются субъективные показатели материального положения (субъективная оценка уровня материальной обеспеченности, удовлетворенность материальным положением, оценка изменения материального положения и др.).

Рис. 2. Распределение респондентов из числа занятых по уровням субъективного властного статуса в зависимости от размера заработной платы, 2020 г., %

Figure 2. Distribution of respondents from among the employed by levels of subjective power status depending on the salary, 2020, %

Из изложенных данных видно, что положение респондентов на шкалах власти и материального благосостояния оказывается намного ниже, чем на шкале уважения. Во многом это можно объяснить тем, что многие россияне не связывают уважение других людей к себе со своим материальным положением и наличием или отсутствием властных полномочий. Корреляционный анализ выявляет значимую, но достаточно умеренную положительную связь между положением респондентов на шкалах власти и уважения и сильную связь между их положением на шкалах власти и богатства. В 2020 г. коэффициент корреляции Пирсона составил 0,48 и 0,78 соответственно (корреляция значима на уровне 0,01;

двухсторонняя). За 1994–2020 гг. сила связи между положением респондентов на шкалах власти и уважения практически не изменилась, тогда как между их положением на шкалах власти и богатства стала заметно теснее. В 1994 г. коэффициент Пирсона составлял соответственно 0,41 и 0,53.

Властный статус и реализация жизненных целей

Современное демократическое государство нуждается в свободных, образованных, творчески и независимо мыслящих, мотивированных на достижение успеха, социально активных гражданах. Для таких людей трудовая деятельность является не только способом прокормить семью, но и средством самореализации, удовлетворения важнейших жизненных потребностей. Особую категорию среди них составляют люди, выбирающие такие способы самореализации, которые предполагают карьерный рост. По мнению К. Мангейма, «“карьера” характеризуется следующими признаками: а) властью над вещами (в форме дохода, заработка и т. п.), б) возможностью осуществлять влияние (властью распоряжаться в некоторых сферах влияния) и в) общественным престижем, рожденным успехом...». При этом «сущность карьеры состоит в достижении и, шаг за шагом, развитии успеха» [7, с. 128].

Анализ данных проведённого мониторинга показал, что существует значимая положительная, но достаточно умеренная по тесноте взаимосвязь между положением респондентов на шкале власти и аналогичной шкале профессионального мастерства, включающей девять ступеней, где первая ступень – это уровень начинающего, ученика, а девятая – уровень «профессионала высокого класса». В 2018 г., когда последний раз задавался этот вопрос, коэффициент корреляции Пирсона составил 0,25 (корреляция значима на уровне 0,01; двухсторонняя). Обращает на себя внимание и тот факт, что самооценка властного статуса непосредственно связана с уровнем удовлетворённости работников своей работой в целом и отдельными её сторонами, но наиболее тесной является эта связь с удовлетворённостью оплатой труда и возможностями для профессионального роста. По данным за 2020 г., в группе респондентов, полностью удовлетворённых оплатой труда и возможностями для профессионального роста, средняя самооценка властного статуса составила соответственно 5,2 и 5,1, тогда как у тех, кто были совсем не удовлетворены этими сторонами своей работы – только 3,5 и 3,6.

Представляет интерес также анализ связи субъективного властного статуса с оценками важности различных сторон работы, в ситуации трудоустройства, когда респондент сталкивается с необходимостью выбора работы. В этом случае наиболее тесной оказывается связь самооценки властного статуса с оценками важности таких сторон работы, как возможность должностного роста и возможность получать новые знания, умения. У респондентов, которые считают эти стороны очень важ-

ными, средняя самооценка властного статуса составила соответственно 4,25 и 4,22. Значимая, но менее тесная связь, была зафиксирована также в отношении таких сторон работы, как интересная творческая работа и хорошая репутация предприятия, организации, фирмы (средняя самооценка составила соответственно 4,13 и 4,14). Именно такие стороны работы чаще привлекают тех людей, которые нацелены на карьерный рост. Эти стороны, помогающие продвигаться по служебной лестнице, для них более важны, чем график работы, удобное расположение предприятия, хорошее социальное обеспечение, условия труда и даже хорошие отношения в коллективе.

Среди респондентов, располагающихся на ступенях верхнего уровня шкалы власти, намного больше, чем среди респондентов, занимающих ступени нижнего уровня, граждан, которые готовы не только участвовать, но и организовывать массовые мероприятия, требующие активного и добровольного участия (соответственно, 19,4% против 4,3%), и гораздо меньше тех, кто не собирается участвовать в таких мероприятиях (16,7% против 32,9%). Увереннее ощущают себя во властном пространстве энергичные, деятельные, инициативные люди, принимающие активное участие в общественно-политической жизни. Так, если среди респондентов, участвовавших в течение последних 12 месяцев в собраниях профсоюзной организации, политической партии или другого общественного объединения, доля лиц, занимающих на шкале власти ступени верхнего уровня, в 2018 г. составляла 11,6%, то среди не участвовавших – только 7,3%. В то же время удельный вес лиц, занимающих ступени нижнего уровня, составлял соответственно 25,4 и 41,4%. Существенной в данном случае оказалась также разница в средних самооценках властного статуса – соответственно 4,55 и 3,97. Примерно таким же было различие в восприятии своего властного положения между респондентами, которые добровольно выполняли бесплатную работу в какой-либо общественной или благотворительной организации, и теми, кто не участвовал в такой деятельности. Но в то же время респонденты, участие которых в общественной и политической жизни было эпизодическим, практически не отличаются от других людей по восприятию своего положения во властном пространстве.

Для определенной части людей власть может быть значимой ценностью и мерилом жизненного успеха. Но независимо от того, как к ней относится человек, власть является одной из наиболее весомых детерминант, обеспечивающих осуществление тех или иных жизненных планов. Власть является одной из наиболее весомых детерминант, обеспечивающих достижение жизненного успеха. Однако оценка влияния данного фактора на реализацию жизненных целей, как и субъективное измерение властного статуса, весьма затруднена, поскольку люди по-разному осознают свои цели, неодинаково оценивают свои возможности, определяют, какие ресурсы и каким образом могут задействовать для достижения своих жизненных целей, по-разному оценивают и воспринимают достигнутые результаты.

Согласно данным RLMS-HSE в последние годы среди россиян доминируют следующие три группы, различающиеся по оценкам достижения и реализации своих жизненных целей: «настойчивые» – ещё не осуществили всего задуманного, но уверены, что в конечном счёте добьются своего (38,1%); «пассивные» – реализовали не все жизненные цели, но и не собираются их добиваться (24,4%) и «неуверенные» – осуществили задуманное только частично и не верят, что смогут реализовать цели полностью (16,6%). Намного меньшим оказывается наименее успешный контингент, представленный двумя группами респондентов: «упрямые» – ни одну из намеченных целей не осуществили, но намерены добиваться их полной реализации (3,4%) и «отчаявшиеся» – разбитые неосуществлёнными желаниями, не только не добились хоть какого-нибудь жизненного успеха, но и полностью отказались от дальнейшей борьбы (3,7%). И только 9,4% респондентов можно отнести к «успешным», т. е. к осуществившим свои жизненные цели практически в полном объёме.

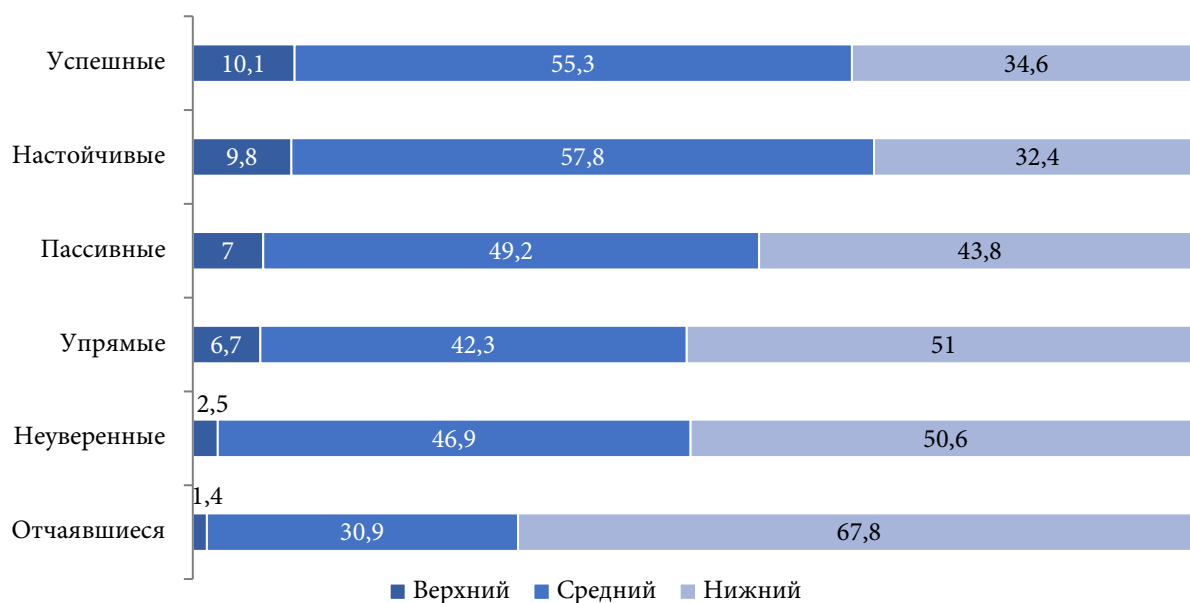
Анализ показывает, что чаще других достигают жизненного успеха люди, обладающие широким спектром адаптационных ресурсов, одним из которых является власть. Как следует из рисунка 3, респонденты тем настойчивее и решительнее ведут себя при достижении жизненных целей и тем чаще добиваются желаемого результата, чем выше они оценивают свой властный статус. Но при этом следует иметь в виду, что ощущение власти, которое появляется при достижении влиятельных позиций, может иметь не только позитивные, но и негативные последствия, которые являются следствием обременённости властью. Индивидуальные действия могут быть иррациональными как по причине ощущения слабости своей власти, так и в силу ощущения ее избытка. Ощущение слабости своей власти часто находит выражение в пассивности, неспособности выполнять уже принятые решения, тогда как ощущение ее избытка порождает искушение применять способы и средства, которые на деле оказываются неэффективными.

Характерно, что респонденты чаще связывают успех в достижении жизненных целей со своим материальным положением, чем с положением во властном пространстве. Об этом говорит хотя бы тот факт, что среди «успешных» существенно меньше лиц, занимающих ступени нижнего уровня на шкале богатства, чем на аналогичных ступенях шкалы власти (26,2% против 35,6%).

Анализ показал, что, как правило, респонденты с более высокой самооценкой властного статуса располагают более широкой ресурсной базой, обеспечивающей реализацию жизненных целей. Но в то же время существенные ресурсные ограничения испытывают практически все анализируемые группы граждан. Больше всего респондентов беспокоит недостаточный уровень материальной обеспеченности, на нехватку которой указали 79,8% респондентов с низкой оценкой, 64,8% со средней оценкой и 40,7% с высокой оценкой своего положения во властном пространстве. На следующих позициях находятся недостаток ощущение

ния безопасности (соответственно 58,9; 47,1 и 32%), полезных связей (59,5; 47,8 и 30,2%), здоровья (54,1; 37,2 и 22,8%), уверенности в своих силах (49,1; 30,8 и 17%), решительности в достижении поставленных целей (47,3; 32,4 и 19,1%), умения приспосабливаться к новым условиям, неожиданным обстоятельствам (46,4; 32,8 и 21%), образования, новых знаний (32,6; 26,1 и 24,3%), профессиональной квалификации (26; 22,2 и 17,9%), помощи родственников, друзей (22,9; 12,9 и 8,7%). Единственным из анализируемых ресурсов, отсутствие или дефицит которого больше беспокоит респондентов с более высокой самооценкой властного статуса, являются знания иностранных языков (35,2; 43,1 и 46,5%).

Рис. 3. Взаимосвязь оценки реализации своих жизненных целей и самооценки властного статуса, 2018 г., %

Figure 3. The correlation between the assessment of the implementation of one's life goals and self-assessment of the power status, 2018, %

Оценивая важность различных причин, которые позволяют одним людям стать богатыми, а других оставляют бедными, приблизительно каждый пятый респондент, независимо от субъективного властного статуса, на первое место поставил наличие/отсутствие таланта и способностей. Но в то же время респонденты с более высоким властным статусом почти в два раза выше оценили весомость такой причины, как везение, удача. Среди респондентов с низким властным статусом 17% указали на отсутствие таланта, способностей как на причину бедности и 14,8% на их наличие как на причину богатства, тогда как среди лиц с высоким властным статусом таких было соответственно 31,9 и 28,8%. Что касается других причин, которые входят в тройку основных, то респонденты с низким властным статусом чаще называют в качестве причин богатства/бедности полезные связи, в то время как респонденты с высоким статусом — трудолюбие и уровень образования.

Заметно повышает оценку своего положения на шкале власти рост уровня обобщённого доверия, отражающего готовность индивидов к формированию общих интересов, способность к конструктивному взаимо-

действию. Склонность доверять людям вообще, т. е. незнакомым людям, повышает среднюю самооценку властного статуса с 4,06 до 4,50. Среди респондентов, считающих, что в отношениях с другими людьми всегда надо быть осторожными, доля лиц с низкими самооценками властного статуса составляет 38,6%, тогда как среди полагающих, что большинству людей можно доверять, – 25,7%. В то же время доля лиц с высокими самооценками увеличивается соответственно с 7,4 до 11,3%.

Вместе с тем гораздо скромнее других оценивают своё положение в системе властных отношений и чаще ощущают свою беспомощность, бесполезность, разочарование в личной перспективе люди, испытывающие ощущение одиночества. Средняя самооценка властного статуса составляет у респондентов, испытывающих это чувство практически всегда – 3,16; часто – 3,89; редко – 4,22; практически никогда – 4,26. Многие исследователи полагают, что одиночество представляет собой такое сложное и тяжёлое состояние, которое связано с утратой человеком связей с семьёй, коллективом, обществом. Такие люди, пребывающие в ситуации реальной или виртуальной коммуникативной изоляции, разрыва социальных связей, отсутствия значимого для них общения, очень часто с недоверием относятся к другим людям. Так, если среди респондентов, испытывающих чувство одиночества практически всегда, доля лиц, полагающих, что в отношениях с другими нужно быть всегда осторожными, достигает 52,9%, то среди не знакомых с таким чувством в полтора раза меньше – только 34,5%.

Негативно сказывается на субъективной оценке властного статуса прекращение полноценного общения с другими людьми, включая коллег по работе или учёбе, друзей, малознакомых и совсем незнакомых людей. Так, отсутствие возможности общаться с коллегами по работе, учёбе снижает самооценку властного статуса по сравнению с теми, у кого существует такая возможность практически ежедневно, с 4,19 до 3,69. Но ещё заметнее снижает эту самооценку прекращение общения с друзьями (соответственно с 4,32 до 3,32). При этом доля респондентов, занимающих на шкале власти три ступени нижнего уровня, увеличивается почти вдвое – с 32,3 до 58,2%, тогда как доля лиц, располагающихся на трёх ступенях верхнего уровня, сокращается втрое – с 10,1 до 3,6%.

Выводы

Несмотря на позитивную динамику самоидентификации во властном пространстве, многие россияне ощущают себя не полноправными гражданами и субъектами власти, а зависимыми, пассивными объектами в системе властных отношений. Исследование выявило значимую обратную, но не сильную связь между субъективным властным статусом и возрастом респондентов. Но при этом для молодого поколения власть не является ключевым элементом социального статуса. Можно предположить, что у многих молодых людей ещё не сформировалось чёткое

представление о данном феномене, что нередко становится причиной неадекватной оценки своего социального статуса. Самооценку властного статуса повышает принадлежность индивидов к профессиональным группам, представители которых в большей мере связаны с интеллектуальным и высокооплачиваемым трудом. Исследование выявило значимую, но весьма умеренную положительную связь между самооценками властного статуса и уровня уважения со стороны других людей, а также сильную связь между оценкой своего положения во властном пространстве и субъективной оценкой уровня материального благосостояния. Эта связь оказывается намного теснее, чем между самооценкой властного статуса и объективными показателями, характеризующими уровень материального положения опрошенных. Респонденты с более высокой самооценкой властного статуса располагают более широкой ресурсной базой, обеспечивающей реализацию жизненных целей.

Библиографический список

1. Бурдые П. Социология политики / Пер. с фр.; сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
2. Вебер М. Основные социологические понятия // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. М.: КД «Университет», 2002. Ч. 1. С. 70–146.
3. Волохов А. Е., Тощенко Ж. Т. Власть // Социологический словарь. М.: Норма, 2008. 608 с.
4. Гаджиев К. С. Власть теория // Современная западная социология: Словарь. М.: Политиздат, 1990. 432 с.
5. Де Фреде Э. Культура, цивилизация и идентичность // Полис. Политические исследования. 2012. № 5. С. 17–23.
6. Коленникова Н. Д. Особенности властного статуса занятого населения современной России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 5. С. 214–232. DOI: 10.14515/monitoring.2017.5.12
7. Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений – состоятельность – экономические амбиции / Перевод Е. Я. Додина. М.: ИНИОН РАН, 2000. 164 с.
8. Пантин В. И. Политическая и цивилизационная самоидентификация современного российского общества в условиях глобализации // Полис. Политические исследования. 2008. № 3. С. 29–39.
9. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева; под ред. М. С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.
10. Семененко И. С. Образы и имиджи в дискурсе национальной идентичности // Полис. Политические исследования. 2008. № 5. С. 7–18.

11. Фан И. Б. Личность и власть: проблема идентификации // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. Вып. 2. Екатеринбург: УрО РАН, 2001. С. 136–165.

12. Филиппова Л. Е. Моральный порядок: должное и сущее // Гражданское и политическое в российских общественных практиках / под ред. С. В. Патрушева. М.: РОССПЭН, 2013. С. 20–31.

13. Фоломеева Т. В., Федотова С. В. Феномен социального статуса в современном российском обществе // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 48. С. 7. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n48/1309-folomeeva48.html> (дата обращения: 5.09.2021).

Получено редакцией: 27.01.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Козырева Полина Михайловна, доктор социологических наук, Первый заместитель директора Института социологии ФНИСЦ РАН; заведующая Центром лонгитюдных обследований Института социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Смирнов Александр Ильич, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.787

EDN: YLFLFZ

Dynamics of Subjective Power Status¹

Polina M. Kozyreva

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia; HSE University, Moscow, Russia

E-mail: pkozyreva@isras.ru.

ORCID ID: 0000-0002-3034-8521

Alexander I. Smirnov

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: smir_al@bk.ru

ORCID ID: 0000-0001-7078-6203

For citation: Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Dynamics of subjective power status. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 2. P. 13–30. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.787; EDN: YLFLFZ

Abstract. The article presents the results of the analysis of the features of self-identification of Russian citizens in the power space of the post-Soviet society. The empirical base of the study is formed by the data of the Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS-HSE) by HSE University (1994–2020). The study revealed a positive, but very moderate and not always consistent dynamics of Russian citizens' assessments of their position in the power space. However, despite the fact that Russians have become more optimistic about their ability to influence current events, many of them still feel that they are not active subjects, but rather passive and helpless objects in the system of power relations. There has been established a significant negative, but not strong, correlation between self-assessment of power status and age, as well as a more significant positive correlation between subjective power status and the level of education and professional status closely related to it.

Self-assessment of power status is enhanced by individuals' belonging to professional groups, whose representatives are more associated with prestigious, highly skilled and highly paid work. A positive correlation has been established between a person's self-determination in the power space and the level of his involvement in professional activities,

¹ This article uses the results of projects carried out in the framework of Fundamental research programs of the National Research University – the "Higher School of Economics".

especially in those with leadership and management functions. A positive correlation is clearly recorded between self-assessment of power status and assessment of the level of respect by others, but the strongest is the relationship between assessments of one's position on the power scales and material well-being. Possession of power expands the resource base of an individual and increases his chances of success in realising life goals. A positive perception of one's professional qualities and achievements, participation in various forms of social and political life significantly increases self-assessment of power status. The most significant factors acting in the opposite direction include the cessation of full communication with other people.

Keywords: power, influence, identity, self-assessment, social status, respect

References

1. Bourdieu P. *Sotsiologiya politiki* [Sociology of politics]. Transl. from Fr. Ed. by N. A. Shmatko. Moscow, Socio-Logos, 1993: 336 (in Russ.).
2. Weber M. *Osnovnyye sotsiologicheskiye ponyatiya* [Basic sociological concepts]. *Teoreticheskaya sotsiologiya: Antologiya*. Moscow, KD «Universitet», 2002: 1: 70–146 (in Russ.).
3. Volokhov A. E., Toshchenko Zh. T. *Vlast' [Power]*. *Sotsiologicheskiy slovar'*. Moscow, Norma, 2008: 608 (in Russ.).
4. Gadzhiev K. S. *Vlasti teoriya* [Power theory]. *Sovremennaya zapadnaya sotsiologiya: Slovar'*. Moscow, Politizdat, 1990: 432 (in Russ.).
5. De Vreede E. *Kul'tura, tsivilizatsiya i identichnost'* [Culture, Civilization and Identity]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2012: 5: 17–23 (in Russ.).
6. Kolennikova N. D. Characteristics of the power status of employed population in modern Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremny*, 2017: 5: 214–232 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2017.5.12.
7. Mannheim K. *Ocherki sotsiologii znaniya: Problema pokoleniy – sostyazatel'nost' – ekonomicheskiye ambitsii* [Essays on the sociology of knowledge: The problem of generations – competitiveness – economic ambitions]. Transl. by Dodin E. Ya. Moscow, INION RAN. 2000: 164 (in Russ.).
8. Pantin V. I. *Politicheskaya i tsivilizatsionnaya samoidentifikatsiya sovremennogo rossiyskogo obshchestva v usloviyakh globalizatsii* [Political and Civilizational Self-identification of Modern Russian Society under Globalization]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2008: 3: 29–39 (in Russ.).
9. Parsons T. *Sistema sovremennykh obshchestv* [The system of modern societies]. Transl. by L. A. Sedova, A. D. Kovaleva. Ed. by M. S. Kovaleva. Moscow, Aspekt Press, 1998: 270 (in Russ.).
10. Semenenko I. S. *Obrazy i imidzhi v diskurse natsional'noy identichnosti* [Depictions and images in the Discourse of National Identity]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2008: 5: 7–18 (in Russ.).
11. Fan I. B. *Lichnost' i vlast': problema identifikatsii* [Personality and power: the problem of identification]. *Nauchnyy yezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RANk*. Vyp. 2. Yekaterinburg, UrO RAN, 2001: 136–165 (in Russ.).
12. Filippova L. E. *Moral'nyy poryadok: dolzhnoye i sushcheye* [Moral order: due and existing]. *Grazhdanskoye i politicheskoye v rossiyskikh obshchestvennykh praktikakh*. Ed. by S. V. Patrushev. Moscow, ROSSPEN, 2013: 20–31 (in Russ.).
13. Folomeeva T. V., Fedotova S. V. *Fenomen sotsial'nogo statusa v sovremennom rossiyskom obshchestve* [The phenomenon of social status in modern Russian society]. *Psikhologicheskiye issledovaniya*, 2016: 9: 48: 7. Accessed 05.09.2021. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n48/1309-folomeeva48.html> (in Russ.).

The article was submitted on: January 27, 2022

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Polina M. Kozyreva, Doctor of Sociological Sciences,
First Deputy Director of the Institute of Sociology of FCTAS RAS;
Head of the Center for Longitudinal Studies at the Institute for Social Policy,
National Research University “Higher School of Economics”

Alexander I. Smirnov, Doctor of Sociological Sciences, Leading Researcher,
Institute of Sociology of FCTAS RAS